

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЛОГДА СЕГОДНЯ

УДК 821.161.1(470.12)

Андрей Пермяков
Петушки, Владимирская область

К ПЯТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ СЕРИИ «ТОМ ПИСАТЕЛЕЙ»

На основе анализа книг, вышедших в серии «Том писателей», автор исследует генез и актуальное состояние современной вологодской литературы как самостоятельного явления, ведущего свою генеалогию непосредственно из эпохи Высокого модерна (первая четверть XX века). При этом рефлексия и восприятие последующих литературных явлений и течений, а также несомненное влияние как современных общественных явлений, так и длительной истории придают вологодской литературе абсолютное своеобразие и потенциал развития.

Современная поэзия, современная проза, региональная литература, Вологда, перспективы, сравнительные исследования.

Наверное, абсолютному большинству литераторов знакомо чувство, граничащее с довольно черной завистью. Оно возникает, когда, увидев некое произведение, думаешь: «Отчего я сам его не написал»? Гораздо более редок иной вариант: прочитав нечто опубликованное, понимаешь, что сам хотел бы сказать именно так, но очень рад за автора. И за себя.

Именно так случилось у меня со статьей Натальи Мелёхиной «Вологодские парадоксы» [4]. При всей любви к городу Вологде, к вологодской литературе и к отдельным ее представителям, сам я все-таки человек неместный. Тем сильнее порадовало совпадение личных вкусов, пристрастий и наблюдений с мнением человека, давно присутствующего в вологодской (впрочем, и в общероссийской) литературной жизни и ставшего заметным явлением этой жизни. Совпадение, повторим, было полным, в том числе на уровне мероприятий и персоналий, а сомнения вызвал буквально один факт: Наталья пишет о ситуации противостояния между региональными отделениями двух основных писательских союзов как о чем-то уникальном: «Осложняет жизнь литераторов и противостояние двух писательских организаций – вологодских отделений Союза писателей России и Союза российских писателей. И снова особенность: конфликты между “патриотами” и “либералами” встречаются всюду, но мало где оно принимают настолько ожесточенные формы» [4].

Уверяю: в Вологде положение далеко не худшее. Там есть замечательное взаимодействие актуальных авторов и организаторов как минимум с одним из писательских Союзов. Во многих регионах дела гораздо печальней. Ситуация колеблется в диапазоне от полного игнорирования независимых литераторов до активного противодействия их инициативам. И Союзы

друг друга часто не любят – гораздо сильнее, чем в Вологде. Но это их внутренние дела.

Существуют примеры обратные, замечательные. То есть в целом отношение писательских организаций к актуальным авторам крайне разнообразно. Опять-таки, в Вологде, как мы видим, большинство таких авторов состоят в одном из писательских союзов. К слову, само по себе понятие «актуальности» весьма размыто; оно может означать – в зависимости от цели употребляющего данный термин – прямо противоположные значения. Поэтому давайте определим *ad hoc*¹ термин «актуальность» как признание значимыми для литературы и общества структурами, презентующими литературу, вклада пишущего в настоящее время автора.

В приведенном определении под «структурами» будем понимать литературные журналы, обладающие историей и репутацией, несколько издательств, пять-шесть литературных премий и примерно такое же количество интернет-сайтов. Заметим: писательские союзы вполне могут быть причастны к упомянутым институциям. К примеру, Союз российских писателей выпускает интересный альманах «Паровоз», Союз писателей Москвы – журнал «Кольцо А» и т.д. Собственно, и серия книг, которой посвящена наша статья, издана Вологодским отделением Союза российских писателей.

Таким образом, взаимодействие нынешних вологодских литераторов с устоявшимися формациями надо признать довольно активным и плодотворным. Это позитивный и далеко не самоочевидный момент: литература в ее нынешнем виде многим обязана анде-

¹ «в данном конкретном случае» (лат.)

граундному, неподцензурному и в той или иной степени гонимому искусству времен позднего СССР. Оттого следы противостояния между тогдашним условным официозом² и тогдашним же подпольем проявляются до сих пор, спустя многие десятилетия.

Например, по мнению Юлии Поддубновой [7], ироничное отношение известного поэта и литературного деятеля Виталия Кальпиди к представителям советских писательских организаций, обусловленное его предельно независимой молодостью, оказывает влияние на состав многотомной Антологии Уральской поэтической школы, издаваемой им уже много лет. При этом в Челябинске, Екатеринбурге и Перми взаимоотношения между Союзами писателей и актуальными литераторами вполне рабочие.

Только что прозвучало название региона, процессы, идущие в котором, помогут нам обозначить как раз собственное и важное в современной вологодской литературе. Собственно, тему о сходствах и различиях уральской и вологодской ситуаций я уже намечал в небольшой статье о книге «Знак улитки» (автор – Наталья Боева) [3]. Книга та появилась в вологодской серии «Том писателей» [6]. Напомним: серия начала выходить в 2015-м, пять лет назад. Кажется, сейчас о ней можно поговорить уже с некоторого расстояния во времени и, возможно, прийти к определенным выводам.

Интересно, что явным образом историю Уральской поэтической школы можно проследить с 1992-го года, когда все тот же Виталий Кальпиди начал выпуск книжной серии, красиво и эпатажно названной «Классики пермской литературы». В той серии, как и в «Томе писателей», вышло тоже двенадцать книг. Разумеется, это забавное совпадение, но, может, не вовсе случайное?

Определим важные количественные моменты: и Урал, и Вологодская область – регионы большие. Только вот по населению они не слишком сопоставимы. Кроме состоящего из миллионных городов треугольника Екатеринбург – Пермь – Челябинск, на Урале есть Нижний Тагил, есть Магнитогорск. Неподалеку расположен Курган. Пусть первый из этих городов располагает собственной поэтической школой со своими особенностями и давней историей, а два других в литературном поле заметны эпизодически, но любой из них превышает по численности населения и Вологду, и Череповец. Также на Урале живет и активно работает старый, уважаемый толстый литературный журнал, неоригинально называющийся «Урал».

Тем не менее, если мы сравним представленность вологодских и уральских авторов в перечисленных литературных институциях – журналах, премиях, качественных сайтах, – эта представленность окажется вполне сопоставимой. Еще можно вспомнить о феномене регулярных сомнений представителей уральской и вологодской литератур в существовании каждой из этих литератур как некой общности.

Вот с этого, с возможности региональной литературной общности и о глубинных особенностях такой

общности, мы и хотим начать разговор. На сей раз преимущественно станем говорить о вологодском феномене. И говорить на примере тех самых двенадцати книг, вышедших в серии «Том писателей». Разумеется, необъятного не обойдем. Хотя бы из-за того, что в серию по разным причинам не вошли книги таких необходимых авторов, как Любовь Чиканова, Лета Югай, Мария Маркова – это если говорить только о широко понимаемом среднем (а стало быть – обладающем максимальным творческим потенциалом) поколении вологодских литераторов. Разумеется, за пределами внимания останутся и давно покинувшие вологодские края авторы. К примеру, такие нетривиальные, как Григорий Шувалов или Данил Файзов. Впрочем, из книг, вышедших в «Томе писателей», мы упомянем тоже не каждую: нам в данном случае интересны тенденции.

Что же касается сравнения именно с уральской поэзией, то оно весьма не случайно. Все структурные, организационные, формальные и прочие сходства и различия имели б совершенно грошовую цену, кабы не главное: собственно поэтические пересечения. Действительно: основным жанром и в вологодской, и в уральской поэзии последних десятилетий стала, наверное, философская лирика³. Но очень своеобразная философская лирика: построенная на представлении ситуации «здесь и сейчас». В совершенно определенных рамках времени и пространства, с вполне осязаемыми героями. Далее проще на конкретных образцах. Вот два стихотворения уральских авторов:

Борис Рыжий

* * *

*Витюра раскурил окуроч хмуро.
Завёрнута в бумагу арматура.
Сегодня ночью (выплюнул окуроч)
мы месим чурок.
Алёна смотрит на меня влюблённо.
Как в кинофильме, мы стоим у клёна.
Головушка к головушке склонёна:
Борис – Алёна.
Но мне пора, зовёт меня Витюра.
Завёрнута в бумагу арматура.
Мы исчезаем, лёгкие, как тени,
в цветах сирени.
Будь, прошлое, отныне поправимо.
Да станет Виктор русским генералом.
Да не тусуется у магазина
запойным малым.
А ты, Алёна, жди милóго друга,
он не закончит университета,
ему ты будешь верная супруга.
Поклон за это
тебе земной. Гуляя по Парижу,
я, как глаза закрою, сразу вижу
все наши приусадебные прозы
сквозь смех сквозь слёзы.
Но прошлое, оно непоправимо.*

² Часть литераторов 1950–1980 гг., формально не имевших отношения к андеграунду и входивших в СП СССР, очень трудно отнести к сторонникам официальной линии. Очевиднейший пример – представители «деревенской прозы».

³ Разумеется, мы говорим если не о самых «лучших» (это в беседе о поэзии практически невозможно), но о наиболее известных и показательных стихотворениях.

*Вы там остались, я проехал мимо –
с сигаркой, в бричке. Еле уловимо
плыл запах дыма.*

Автор следующего текста – Евгений Ройзман:

* * *

*Пойдем по Стрелочников прочь
Непроходимыми дворами
К вокзалу шумному где ночь
Зачеркнута проекторами*

*В моем кармане ключ-тройник
И ножик и немножко денег
Пока не видит проводник
Давай куда-нибудь уедем*

*Туда куда ведут пути
Где не жирафы а медведи
Мы никогда не полетим
Поэтому давай уедем...*

Теперь два вологодских стихотворения. Первое, за авторством Наты Сучковой, весьма популярно:

* * *

*Стоят, сполна всего помыкав
Среди затоновской ишаны,
У бара «Золотая рыбка»,
Торжественные как волхвы,
Чернее угря Вася-Череп,
Белее моли Ваня-Хан,
Стоят в рождественский сочельник,
Фанфурик делят пополам.
И мимо них – куда им деться?
Не раствориться никуда –
Везут на саночках младенца,
И загорается звезда.*

Второе стихотворение не столь пока известно, но очень показательно. Из книги Павла Тимофеева «Агенты разных держав» [10]:

* * *

*Пожалей меня, несчастного,
Пожалей меня, убогого.
Загляни в мои ты глазоньки.
Распахни свою мне душеньку.
Я туда залезу в тапочках,
Перестану сразу маяться,
Стану семечки полузгивать,
Стану песенки насвистывать.*

*Выплю соки твои сладкие,
Выжму всю тебя как тряпочку
И пойду вновь по дороженьке,
Кого встречу, так скажу тому:
– Пожалей меня, несчастного...
– Пожалей меня, убогого...*

Можно искать параллели, обнаруживать общее – это нетрудно. Но есть фундаментальное различие: уральские стихи подразумевают движение и преоб-

ражение в пространстве. Герой смотрит в будущее. Он там может встретить смерть или оборотиться на себя прежнего, желая переменить уже случившееся, но так или иначе всё будет происходить в динамике. Прежде всего – именно для самого героя. Он станет иным.

А у вологжан всё зафиксировано довольно жестко. Далее может случиться перемена в добром или в плохом направлении, но ты проживаешь именно это, а не какое-то иное мгновение. И мгновение это с тобой уже навсегда. Стихотворения, независимо от длины, напоминают стоп-кадры. Пусть ты всё знаешь наперед – по крайней мере, о себе, несчастном. Но прошлое мало того, что принципиально неизменно, оно еще и неколебимо. Оно продолжает существовать. И это не только волхвы, пришедшие однажды и приходящие каждый миг. Это, например, мгновение, застывшее в следующем известном, может, даже скандально-известном стихотворении Антона Чёрного:

* * *

*Стоит зеленое ведро.
В ведре лежит Гагарин:
Орденосец и герой,
Простой советский парень.*

*Его Леонов опознал
По родинке на шее.
А там, где самолет упал,
Воронка и траншея.
<...>
Солдаты ищут дотемна
Ошметки и останки.
Горит звезда, горит луна,
Как орденские планки.*

*Настала полночь на часах,
И мрак слегка сгустился
В огромных черных небесах,
С которых он спустился.*

На месте гибели Гагарина уже давно построен мемориал, в проектировании которого принимал активное участие Алексей Архипович Леонов. Теперь и Леонова уже нет на Земле, а ведро все так же стоит под той же Луною.

Кстати, приведенного выше стихотворения Антона Чёрного в книге «Разнообразное» [12] нет. Зато есть вот такое, написанное в далекой Калифорнии, где автор жил достаточно долго, но предпочел вернуться:

* * *

*Как люди движутся сквозь собственные судьбы –
Как их движения отточено-верны,
Спокойны взгляды, устремления высоко,
Какая ясная спокойная готовность
И послушание в их облике сквозят!
Как это правильно и как это жестоко...
Поцеловать бы их. Обнять. Предотвратить.*

Опять мы видим статичный кадр, перемещающийся, тем не менее, сквозь время: люди сосредоточенно шли, идут, будут идти веками. И обнять их будет хотеться всегда. Но толку?

Почти о том же, почти с теми же техническими приемами – пропуск рифмы, ритмический сбой, наминающий сбой дыхания или паузу в ударах сердца, – пишет Андрей Таюшев [9]:

* * *

*Со мною вот что происходит:
Я чувствую, как жизнь проходит.
Со всеми то же происходит,
Примерно то же происходит.
И что потом произойдет,
Известно тоже: смерть приходит,
Берёт за ручку и уводит.
Туда, туда, где леший бродит.
«Ну, – говорит, – шагай вперёд,
А что тебя там дальше ждёт,
Скоро сам узнаешь».*

Два небольших и перекликающихся текста – Антона Чёрного и Андрея Таюшева – довольно много говорят о сути современной вологодской литературы. Смотрим: люди в стихах идут не вместе со своей судьбой, а сквозь судьбы; за смертью нас ожидает пушкинский леший и что-то еще дальше. Да и смерть какая-то нестрашная, глупенькая.

Откуда леший – вполне понятно. В стихах вологжан фольклорных мотивов всегда было премного, и меньше не становится. Причем тут вновь найдем отличие с уральской поэзией: в рифейских текстах чаще возникают сущности хтонические – горные, подземные. Это понятно вполне, учитывая каменные рельефы. У вологжан более привычные соседи. Тоже очень непредсказуемые. Коренные обитатели лесов, полей и рек, жившие тут задолго до носителей Волосовской культуры и до людей, как таковых, имеют свои понятия о зле и добре. Или вообще мыслят в иных категориях.

В исследовании взаимодействия людей с иноприродными сущностями очень помогла бы Лета Югай, не только поэт, но и очень известная фольклористка, однако скажем опять: ее книги в этой серии нет. Тогда обратимся к прозе. И вовсе не к презренной, а к дивной. К фрагментам из книги Анастасии Астафьевой: «Двойная экспозиция». Вот героиня едет на велосипеде сквозь знакомый и, вроде, нестрашный, привычный лес. Специально ради того, чтоб побыть в тишине и покое. Ну что ж. Побывала: «Я почувствовала лёгкий страх. Тот извечный страх перед природой, который достался нам от пращуров. Песчаная тропинка сделалась шире и даже в такой темноте спасительно белела впереди. Только поэтому я не заехала в канаву, не налетела на поваленное дерево. Но от страха никак не могла избавиться. Он пробивал мелкой дрожью всё тело, зубы отстукивали чечётку. Какая глупость! Детский ужас, смешной, но непреодолимый. Что же дальше-то будет?! Осталось совсем немного. Вот и поворот...» [2].

Правда ведь, в нескольких строчках отлично передано нарастание страха перед ночным лесом – от едва уловимой тревоги до дикого ужаса. Вообще, происходящее имеет очень внятное объяснение. Рядом была рысь. Все-таки много тысячелетий назад наши мелкие африканские предки, едва вставшие на

две ноги, страдали в первую очередь от леопардов. И страдали тоже на протяжении тысячелетий. Это вписано в наши гены навсегда, и больших кошек мы чуем спиной. Говорят, документальных фактов гибели человека от когтей рыси не зафиксировано, а все известные случаи являют собой охотничьи байки, но всё равно страшно!

По этой ли причине, по какой ли другой, но кошачьи, даже одомашненные, прирученные, обладают для нас двойственной природой. У Астафьевой есть удивительный рассказ-воспоминание, не вошедший в эту книгу. После похорон ее отца, Виктора Астафьева, в комнату к Анастасии вошел кот. Милый, черный кот, которого, однако, в доме быть не могло. Девушка потянулась его погладить, а он прыгнул на нее и стал душить. Спаслась молитвой. Автор делает однозначный вывод: «Ко мне приходила смерть».

Вполне возможно. В этом смысле наше бессознательное знает много. Да и литература тоже – от фольклора, где обитал убивающий Кот Баюн⁴, до очень долгой русской классической литературной традиции, в начале которой располагаются «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя. Помните, там вполне милая кошка тоже предвещала гибель? И ведь не ошиблась.

Можно интерпретировать кота из рассказа А. Астафьевой иначе: как беса. Одолевал, одолевал Виктора Петровича бес, не одолел – теперь пришел к его дочери. Бесовских котов, опять-таки, множество в народной и классической литературных традициях. Можно сделать более простое и медицински обоснованное предположение: перед нами вариант сонного паралича со зрительно-тактильной псевдогаллюцинацией. То есть продукт бессознательного. Вот тут и ловушка: бессознательное-то откуда берется? Это опыт предков, запечатленный навеки? Или продукт случившегося когда-то действительного взаимодействия с потусторонним? Факт, отчего кошек мы наяву любим, а во снах боимся, вроде, как сказано выше, объясним генетической памятью. Но откуда почти тотальное и всеобщее отвращение и ненависть к змеям, символизирующим, вроде, мудрость и целительную силу? Тут исключений почти не бывает: этих пресмыкающихся мы опасаемся всегда.

В рассказе с библейским названием «Змей будет жалить тебя в пятю» лирическая героиня Астафьевой вспоминает случай, когда она, маленькая совсем, шла с мамой по лесу, а на тропинку выползла гадюка. На уговоры не поддавалась, дорогу не уступала, правил движения не соблюдала. Взяли палку, стали бить. Вроде, по бытовым поверьям – благое дело: грехи слетают. Через много лет автор вспоминает: «Не знаю, снялось ли с нас хоть по одному греху, но стыд и отвращение даже сегодня охватывают меня при воспоминании о том случае. По-детски наивно хочется верить, что змея та ожила, уползла к своим детям, вырастила их. Они никогда не ужалили никого, только ловили ночами лягушек да мышей».

Смешно столько лет каяться в том, чем иные гордятся, специально забывают случайно встреченных

⁴ Йольский кот, кошка Палуга, кот Ши и множество еще параллелей из фольклорных традиций разных народов.

пугливых змей, суеверно подсчитывая снявшиеся с них грехи.

Первородный страх. Первородная вражда.

Змей будет жалить тебя в пятю. Ты – бить его по голове» [2].

И опять: в маленьком фрагменте сказано много. Очевидным образом – о значении библейской мифологии для вологодской литературы⁵. Именно библейской: ветхозаветных мотивов мы встречаем в стихах больше, нежели собственно христианских аллюзий. А тут видим расхождение Ветхого Завета с Новым. Вернее – диссонанс в человеческом восприятии этих Заветов. В прежнем сказано: поражай змия, он твой враг. В Новом – «любите врагов ваших». Вот из этого зазора искусство и произрастает.

Но есть еще важный момент, появившийся не слишком давно. И в античной традиции, и в иудейской, и в христианской время однонаправлено. Прошлого не вернуть и не переменить. Оно более не существует. Бывают мгновения встряски: когда Афина-Паллада из змеи сделалась мудрой воительницей. Или когда Господь пришел в мир, дабы его спасти. Однако, это разовые акции, меняющие мир, но не замедляющие и не ускоряющие течения времени как такового.

Но с некоторых пор, возможно – с появления Общей теории относительности или чуть раньше, отношения с понятием времени переменялись. Концепция машины времени появилась ведь сразу и вдруг. Вдоль линейки времен стало можно передвигаться. Хотя бы и в книжках.

У вологжан, как мы уже говорили, тут свои особенности. Время в их творчестве разбито на кадры, и эти кадры существуют вечно, накладываясь один на другой. Явным и прямым образом этот момент проговорен в рассказе «Двойная экспозиция», давшем имя книге Астафьевой. Начало предельно бытовое и одновременно – классичное: «15 апреля 1970 года председатель комитета по кинематографии СМ СССР Алексей Владимирович Романов вышел из подъезда своего дома и направился к ожидающей его машине» [2]. А дальше начинается диво. За неделю до столетнего юбилея В.И. Ленина на афишах московских кинотеатров проступает надпись «Телец». И фотографии совсем не того Владимира Ильича, которого знали и любили советские детки. Страшного очень Ильича фотографии. Затем появляются копии непонятного фильма. Много копий. КГБ худо-бедно справляется, уничтожая улики, но на самый-самый юбилей из Мавзолея выходит именинник собственной персоной.

Затем, вроде, все обошлось. Алексей Романов полежал в больнице, восстановил утомленные нервы. Долго и качественно трудился на благо СССР. Написал мемуары. Обнаружил в спецхране папочку с описанием некоего сумасшедшего, выдававшего себя за Ленина. Затем в преклонных годах скончался.

Но в 2001-м году, через три года после ухода бывшего главы Госкино, Александр Сокуров снимет

по сценарию Юрия Арабова фильм «Телец». А еще через одиннадцать лет персонаж Анастасии Астафьевой обнаружит чемодан с описанием всей этой истории. Включая, кажется, фрагмент с обнаружением этого самого чемодана. Нет, такая структура, разумеется, не нова: можно вспомнить хотя бы финал романа «Сто лет одиночества». Но интересно исполнение и приложение сюжетной схемы. Получается, что события во времени, вроде, и не заданы однозначно, но зависят отнюдь не только от нашей воли или от Провидения: будущее очень интересным образом влияет на прошлое!

Все, о чем мы говорили выше, заслуживает долгого разбора по частностям, сопоставления, анализа и прочего. Но пора переходить к наиболее существенной теме: почему базовые вопросы бытия, включая такую головоломную категорию как время, вдруг стали снова необыкновенно интересны, и что за роль принадлежит в поисках ответов вологодским литераторам?

Далее будет много цитат, но они представляются важными. Сергей Фаустов пишет едва ли не в самом начале книги «Гуманитарные эксперименты»: «В обществе, во всём человеческом обществе, именно в настоящее время, идёт исчерпание ресурсов абсолютно во всех сферах человеческой деятельности, искусства, культуры, техники, науки. Происходит рост хаоса и неупорядоченности в большинстве областей знания и сфер обитания людей. Растёт энтропия общества, когда люди много работают, но ничего не вырабатывают. Уже много десятилетий на Земле нет великих открытий. Природа сделала общество неработоспособным в контексте пользы и получения новых знаний. Информация в переизбытке и самой себя обесценивает саму себя же.

<...>

Музыка. От полной тишины (Дж. Кейдж) до полного заполнения диапазона одновременно слышимых частот (К. Пендеревский). Новая музыка как стиль, как идея, категория искусства перестала возникать уже лет 20 назад. Ситуация такова, что завтрашние музыканты будут исполнять вчерашнюю музыку.

Популярность – ресурс количества поклонников, почитателей. Всё идёт к тому, что у каждого известного человека будет почти одинаковое число тех, кому он нравится и тех, кто к нему равнодушен (или ненавидит). И ещё часть таких, кто его не знает вообще. Исчерпан ресурс кумиров и идиолов. Выборы стали не только непредсказуемыми, но даже невозможными из-за невидимой разницы результатов между «за» и «против» [11].

Казалось бы: а в чем беда? Очень многие деятели и – особенно – теоретики культуры чувствуют себя тут как облачко в небе! Можно ж наслаждаться безответственностью, объявлять любое деяние «проникновением культуры в искусство», поднимать свой рейтинг? Не заботиться о глубинной сути явлений. Некоторые так и делают до сих пор.

Однако лет пятнадцать назад сделались актуальными совсем иные мысли. Примерно такие, о которых сказала философ, филолог, исследователь культуры Наталия Автономова: «Именно теперь, когда, как уже отмечалось, многих интересует прежде всего неструк-

⁵ К слову, уральские авторы, в первую очередь – поэты, обращаются чаще к мифологии античной. Примеров можно привести великое множество, но мы же на сей раз пишем статью о вологжанках.

турное и нерациональное, когда философия ищет себя, прислоняясь к тому в гуманитарной науке, что наименее научно и наименее структурировано (к эмоциональному, энергичному, невербальному, недискурсивному), мысль о структуре неожиданно заявляет о себе, и это напоминание звучит все громче» [1, с. 13].

В невесомости интересно побывать на какое-то время. А вечно жить в безспорном пространстве, как то предполагала этика и эстетика постмодерна, оказалось грустно. Здесь вологодские особенности пришли как никогда кстати. Снова откроем книгу Сергея Фаустова: «Поэзия в Вологде всегда была сферой сакральной: три памятника поэтам установлено в городе – Пушкину, Батюшкову и Рубцову, и несколько улиц названы именами поэтов. На фоне такого укоренившегося поэтического императива творчество предстаёт харизматическим деянием, привлекающим к себе внимание» [11]. В условиях тотальной аморфности точки опоры нужны невероятно. И для вологодской литературы они, конечно, не исчерпываются тремя упомянутыми памятниками.

Мы вновь обращаемся к статье Натальи Мелёхиной: «У Вологодской области есть и свой золотой век с гениальным Константином Батюшковым и менее известными авторами (например, с основоположником “охотничьей литературы” Флегонтом Арсеньевым). И опять же требуются пояснения для “невологжан”. Новатор-Батюшков, который считается «предтечей Пушкина», безусловно, оказал влияние на формирование вологодской литературы, но не при жизни своей, а уже после неё. В других регионах в наши дни, может, и не так часто вспоминают его трагический жизненный путь, закончившийся душевной болезнью, его опередившее свой век творчество, но в Вологде Батюшков “кровно свой”. Здесь его помнят, любят, здесь до сих пор спорят о его стихах и прозе. Пишет поэт и переводчик Антон Чёрный: “Я его столько читал, кажется, что уже за родного держу. Вроде как жил прадедушка, словоплёт, меланхолик, прожектёр, путешественник, переводчик, а я весь в него, только пожиже. Бывает, хочется перед сном что-то перечитать, что по душе пришлось. И тянется рука к ледеринному двухтомнику. Жалко, издан Константин Николаевич по-советски неброско: на собачьей серой бумаге, без еров и ятей изначальных, тесно завёрстан в подбор, будто бедный родственник”.

Есть в Вологодской области и свой серебряный век – с Игорем Северяниным, Николаем Клюевым, Алексеем Ганиным. Наконец, самое важное: есть огромный пласт литературы второй половины XX века, когда Вологда стала центром притяжения для авторов-“деревенщиков”: Василий Белов, Виктор Астафьев, Николай Рубцов, Ольга Фокина и многие другие считали деревенскую цивилизацию вдохновляющей силой своего творчества, настаивая именно на таком понятии – “цивилизация”» [4].

Верно тут всё, но финал требует пояснений. Как мы видим, и в «золотой», и в «серебряный» век вологодская литература была частью общероссийской. А в последний, «медный» век, стала частью ее части. Иначе и быть не могло: со времен Серебряного века, с

Высокого модерна, единой литературы у нас, в сущности, не было. Да и единого культурного пространства. Об этом Сергей Фаустов тоже пишет в своей книге. Здесь бы цитировать пришлось едва ли не весь его сборник, но подспудно там проведена сквозная мысль: девятнадцатый век был концентрацией культурных сил человечества; последовавшая за ним «прекрасная эпоха» до Первой мировой – кульминацией этих сил, а вот затем начался разброд.

Возможно ли некое новое единство? Наверное, возможно. Это будет, прежде всего, не исход постмодерна в какой-нибудь постпостмодерн, а попытка иного модерна. Идущего своим путем непосредственно от точки бифуркации вековой давности. С тщательнейшим учетом всего сделанного поздней, конечно. И тут вологодские структурность, скульптурность, опора на сделанное ранее – окажутся крайне важны.

А еще новая ситуация будет единством в разнообразии. Мы же показали в этой статье феномен уральской литературы не для того лишь, чтоб отделить особенности литературы вологодской. Там, на Камне⁶, свои особенности отношения с традицией, свои стилистики, свой путь. Более того. Ни о вологодской, ни об уральской, ни о какой-либо иной ноте говорить сейчас нельзя. То есть можно, но разговор окажется бессмысленным. Вот Парижская нота⁷, безусловно, существовала. А теперь все сложнее. Вологодской ноты нет. Но есть некое единство на крайне глубоком уровне. При столь же глубоких внешних различиях разнообразных авторов.

Завершим и резюмируем разговор цитатой из всей той же статьи Натальи Мелёхиной. Я ж написал в самом начале, что сам бы хотел опубликовать такие мысли: «Вологда всегда была “аккумулятором” идей, в ней будто копится некая творческая сила, которая затем “взрывается”, несёт такие новаторские изменения, которые меняют ландшафт литературного процесса во всей стране» [4].

Литература

1. Автономова, Н. С. Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров / Н. С. Автономова. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 503 с.
2. Астафьева, А. Двойная экспозиция / Анастасия Астафьева. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 154 с.
3. Боева, Н. Знак улитки / Наталия Боева. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 58 с.
4. Мелёхина, Н. Вологодские парадоксы / Н. Мелёхина // Литература. – 2019. – № 150.
5. Мелёхина, Н. По заявкам сельчан / Наталья Мелёхина. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 136 с.

⁶ Камень – традиционное, старое название Уральских гор.

⁷ Парижская нота – литературное течение, возникшее в Париже в конце 1920-х гг. Основателем стал поэт Георгий Адамович, участниками в разные годы были Анатолий Штейгер, Игорь Чиннов, Лидия Червинская, Юрий Терапиано, Довид Кнут, Юрий Иваск, Юрий Мандельштам. Борис Поплавский примыкал к этому течению, но его творчество не ограничивается рамками движения. Поэтика «Парижской ноты» определяется отказом от метафор, краткостью и лаконичностью стихов, повествующих в основном о повседневных аспектах бытия.

6. Пермяков, А. Другие взрослые / А. Пермяков // Литература. – 2016. – № 74.
7. Подлубнова, Ю. «Условная река абсолютной любви». К выходу 4-го тома антологии современной уральской поэзии / Ю. Подлубнова // Знамя. – 2018. – № 10.
8. Сучкова, Н. Продленка / Н. Сучкова. – [б.м.] : Издательские решения, 2016. – 50 с.
9. Таюшев, А. Об Пушкина / Андрей Таюшев. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 66 с.

10. Тимофеев, П. Агенты разных держав / Павел Тимофеев. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 114 с.
11. Фаустов, С. Гуманитарные эксперименты / Сергей Фаустов. – [б.м.] : Издательские решения, 2016. – 88 с.
12. Чёрный, А. Разнообразное. / Антон Чёрный. – [б.м.] : Издательские решения, 2016. – 106 с.

Andrey Permyakov

TO THE 5th ANNIVERSARY OF THE BOOK SERIES «WRITERS' COMPENDIUM»

Based on the analysis of the books published in the series «Writers' Compendium», the author explores the genesis and current state of contemporary Vologda literature as an independent phenomenon that leads its genealogy directly from the era of High modernity (the first quarter of the twentieth century). At the same time, reflection and perception of subsequent literary phenomena and trends, as well as the undoubted influence of both modern social phenomena and long history, gives Vologda literature an absolute originality and potential for development.

Contemporary poetry, contemporary prose, regional literature, Vologda, perspectives, comparative studies.

УДК 821.161.1(470.12)

Л.В. Егорова
Вологодский государственный университет
Н.А. Сучкова
Вологда

«ТОМ ПИСАТЕЛЕЙ»: АНТОЛОГИЯ НОВЕЙШЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Обсуждение первой антологии новейшей вологодской литературы редактора «Вестника ВоГУ» Л. Егоровой с автором идеи и редактором проекта Натой Сучковой: подробный разговор о проекте в целом и краткий – о каждой из 12 книг «Тома писателей».

«Том писателей», антология новейшей вологодской литературы, Вологда, Ната Сучкова.

Л. Е. Правильно ли я понимаю, что в 2015 («Год литературы») Вы получили грант на издание «Тома писателей»? С марта 2015 по ноябрь 2016 вышло 12 выпусков, представляющих новейшее вологодской литературы. Это был Ваш выбор – создать не общую антологию, а компактные авторские книги. Их еще не существовало, все складывалось по ходу дела.

Н. С. Да, самое главное, что было в этой идее – дать возможность авторам издать отдельную книгу, выйти за рамки привычной антологии. Антология – это, наверное, тоже неплохо, но, согласитесь, для автора сольная книга ценнее в разы. Получили грант – не совсем верно. Проект с самого начала реализовывался без какой-либо поддержки. Редактор, дизайнер, корректоры работали на общественных началах, «за интерес». И с самого начала именно потому, что финансирования не было, мы заявили проект как электронный. Если у авторов было желание сделать бумажную версию книги, они заказывали ее из своих средств: кто-то сам, кому-то помогали друзья, поклонники. Уже постфактум, когда все электронные

книги вышли, нам удалось заказать небольшой тираж по 50 штук каждой из 12 книг, но это не было грантом, это была стипендия, которую получила Мария Суворова. Но мне как-то неловко начинать разговор с финансовой составляющей. С другой стороны, может, и правильно, чтобы было понятно: это была исключительно частная и поначалу абсолютно безденежная инициатива, которую, тем не менее, поддержали и корректоры, и фотографы, и дизайнер, и главное – сами авторы, конечно. За что им всем – честь и хвала.

Л. Е. Достойный гранта/ов проект, конечно. В «Описании проекта» четко проанализирована ситуация и обоснована необходимость: «В региональном издательском деле сегодня, когда редко и с большим трудом выходят книги классиков и “отцов-основателей” вологодской литературы: Василия Белова, Александра Яшина, Николая Рубцова, Ольги Фокиной и других, – современный литературный процесс практически не представлен. Разглядеть писательский талант, оценить уровень поэтического мастерства молодых, активно пишущих авторов – задача по нынешним мер-